

Источники по истории СССР периода капитализма

А. Л. СИДОРОВ

МАТЕРИАЛЫ О СВЕРЖЕНИИ ЦАРИЗМА В ФОНДЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Советская историческая наука располагает огромным фондом источников, содержащих материалы о политической эволюции царизма и позиции различных классов за последнее десятилетие перед февральской революцией 1917 г. Многие из этих источников до сих пор не изданы. Вполне естественно и понятно, что страна, пережившая на протяжении 12 лет (1905—1917 гг.) три революции, в которых поднялись на борьбу против царизма и капитализма и одержали решительную победу широчайшие народные массы, уделяет преимущественное внимание изучению этой борьбы. Это — генеральная линия исторического развития нашей Родины, которая объясняет все решающие перемены в ее исторических судьбах. Значительно меньше внимания уделяется эволюции господствующих классов — либеральной буржуазии и помещиков, наконец, эволюции царизма и придворного окружения.

Кроме некоторых личных фондов, а также фондов таких учреждений, как Дума и Государственный совет, историки располагают одним источником, который является незаменимым для истории самодержавия периода первой мировой войны. Этим ценнейшим и своеобразным источником является публикация материалов и архив Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.¹

---

¹ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, тт. I—VII. Редакция П. Е. Щеголева. М.—Л., 1924—1927. Фонд Комиссии хранится ныне в ЦГАОР (ф. 1467).

Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства была создана в начале марта 1917 г.² «для рассмотрения противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц».³

Председателем Комиссии был известный московский адвокат Н. К. Муравьев,⁴ а членами — лица судебного ведомства и буржуазные общественные деятели.

Коренной недостаток, можно сказать, порок деятельности Комиссии состоял в том, что она вела свою работу, основываясь не на каких-либо новых, революционных принципах, а на основе «Свода законов» царского правительства. Для Комиссии «оказалось совершенно возможным целиком встать на точку зрения того закона, который существовал в последние дни и месяцы старого режима».⁵ Комиссия очень боялась отступить от этого принципа, чтобы бывшие министры и сторонники монархии не сказали, что «их судят за то, что не было запретным в их времена и что стало запретным только с того момента, когда Вы вышли на арену мировой истории».⁶

Хотя многие министры и были арестованы, содержались в Петропавловской крепости и находились под следствием, но постепенно их освобождали. Министры же, пытавшиеся работать вместе с буржуазными общественными организациями, совсем не арестовывались. В Комиссии их встречали с почетом и, после стенографической записи показаний, обычно отпускали.

Хотя Муравьев и заявлял торжественно, что вся деятельность правительственной власти старого режима, с точки зрения существовавших тогда законов, оказывается нарушавшей эти законы,⁷ что были такие ведомства, как Департамент полиции, которые «ни одного дня не могли прожить без преступления»,⁸ но эти громкие слова служили только для обмана революционной демократии. Комиссия установила, что правительство со времени образования Государственной думы приняло и применяло в жизни

---

² Сообщение о ее создании было напечатано в «Вестнике Временного правительства» 5 марта 1917 г. Но прошло некоторое время, пока она была сформирована и начала работать.

³ Падение царского режима, т. I, стр. V.

⁴ Согласно положению, Комиссия состояла из председателя, двух его товарищей и четырех членов. Состав Комиссии несколько раз изменялся. Ее членами являлись академик С. Ф. Ольденбург, историк П. Е. Щеголев и юрист-международник Д. Д. Grimm. Представителем Временного комитета Государственной думы в составе Комиссии был Ф. И. Родичев — один из видных лидеров кадетской партии, от Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов — меньшевик Н. Д. Соколов.

⁵ Падение царского режима, т. I, стр. X.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. XI.

⁸ Там же.

«384 закона помимо Думы».⁹ В этом, пожалуй, Комиссия и видела основное преступление старой власти.

Комиссия не организовала и не хотела организовать ни одного революционного процесса, она не пожелала продемонстрировать перед революционными массами преступные действия представителей царского режима.

Комиссия ограничивалась допросами преимущественно высокопоставленных должностных лиц. Кроме того, были организованы специальные комиссии для расследования преступлений в морском и военном ведомствах. Так, Комиссия по морским делам собрала очень ценный материал, остававшийся до последнего времени неизвестным для историков (первый его исследователь — К. Ф. Шаццлло). Помимо показаний чинов морского ведомства, там собраны свидетельские показания деятелей банков и инженеров, имевших отношение к строительству военного флота России. В качестве подсобного органа Чрезвычайной комиссии действовала особая комиссия для обследования деятельности Департамента полиции.¹⁰ К деятельности Департамента полиции, его агентуре, к системе политической провокации Комиссия проявила особый интерес. Чрезвычайная комиссия допросила 59 человек, закончив их допрос незадолго до Октябрьской социалистической революции.

Стенографическим записям бесед с бывшими министрами Комиссия придавала большое значение. Беседы проводились в Зимнем дворце, с явным расчетом оставить материал для возвеличивания роли либеральной буржуазии, которая сыграла-де решающую роль в Февральской революции (Государственная дума). Всего Комиссия произвела 88 допросов.¹¹ Некоторые лица допрашивались дважды, и даже по несколько раз. Среди допрошенных лиц одну треть составляли министры — 20 из 59. Из них 4 бывших председателя Совета министров: И. Л. Горемыкин, В. Н. Ковцов, Б. В. Штюрмер и последний председатель Совета министров царского правительства князь Н. Л. Голицын; 10 человек — люди рангом ниже — товарищи министров и сенаторы; 2 генерала: Н. И. Иванов, посланный из Ставки для подавления революции в Петрограде, и бывший командующий Петроградским военным округом С. С. Хабалов; 11 человек — чинов полицейских и жандармских органов. Комиссия допросила 10 «общественных» деятелей — от черносотенца Н. Е. Маркова 2-го до социал-демократа меньшевика Н. Е. Чхеидзе. К этой же категории относились два министра Временного правительства — А. И. Гучков и П. Н. Милюков.

⁹ Там же, стр. XIII.

¹⁰ Эта комиссия изучала дела Департамента полиции и состав секретной агентуры. Ее председатель — П. Е. Щеголев — входил в состав Чрезвычайной комиссии в качестве члена.

¹¹ Падение царского режима, т. 1, стр. XVII—XIX.

Через Комиссию прошла разнообразная группа лиц, давшая довольно интересные показания о политике правительства после революций 1905—1917 гг., о методах действий «темных сил», окружавших трон, и о поведении лидеров буржуазных организаций. У Комиссии не хватило смелости не только посадить на скамью подсудимых Николая II и его жену, но хотя бы их допросить. Недопрошенными оказались и представители высшего духовенства, в том числе пресловутый митрополит Питирим, принадлежавший к распутинской шайке.

Кроме перечисленных, были допрошены: дворцовый комендант В. Н. Воейков, А. А. Вырубова и О. Н. Лахтина, князь М. М. Андронников и И. Ф. Манасевич-Мануйлов. Многие из допрошенных лиц предпочитали сдержанность, даже скупость в выражениях (Горемыкин, Вырубова), особенно когда речь шла об императоре и императрице, некоторые упорно отказывались отвечать (А. Д. Хвостов). Другие, вроде министра внутренних дел Протопопова или его товарища С. Белецкого, наоборот, помимо устных показаний представили обширные и подробные собственноручные письменные показания, в которых со скрупулезной детальностью описываются недавние события, связанные с деятельностью Распутина, Вырубовой и влиянием императрицы на течение государственных дел. Писания последних двух лиц составили почти целый том печатных материалов.

«Падение царского режима» представляет собою прежде всего публикацию стенограмм допрошенных Комиссией указанных выше 59 лиц и частично — свидетельские показания, написанные некоторыми лицами собственноручно.¹²

Судя по тексту стенограмм, в распоряжении Комиссии были уникальные документы, которые иногда предъявлялись допрашиваемым лицам, чтобы побудить их к признанию (Макаров). Можно пожалеть, что эти документы не прилагались к опубликованным стенограммам. Изредка в тексте приводятся лишь небольшие выдержки из этих документов. Некоторые из документов, упоминаемых в стенограмме, сохранились. Мы имеем в виду три всеподданнейших доклада Родзянко царю на протяжении 1915—1916 гг.

Редактор «Падения царского режима» П. Е. Щеголев указывает, что публикация стенограмм допросов произведена «с научной точностью».¹³ Наша проверка подтвердила это заявление.¹⁴

¹² Редактор П. Е. Щеголев сообщает, что им напечатаны все стенограммы, кроме одной, утерянной — второй записи показаний В. Н. Коковцова. На деле оказалось, что утеряны были две стенограммы показаний Коковцова от 10 сентября 1917 г. Эти стенограммы в настоящее время найдены. Они содержат интересный материал об обстоятельствах отставки Коковцова с поста председателя Совета министров в 1914 г. Стенограммы заслуживают того, чтобы быть опубликованными.

¹³ Падение царского режима, т. I, стр. XXV.

¹⁴ Известно, однако, что Щеголев и его сотрудник Н. П. Ашешов весьма небрежно «переделали» в мемуары стенограммы допросов С. П. Белецкого

Главным литературным редактором стенограмм во время работы Комиссии являлся выдающийся поэт А. А. Блок.¹⁵ Некоторые стенограммы редактировались им лично, другие — под его руководством. Во всех случаях редактирование было чрезвычайно квалифицированным и осторожным. Редактор освобождал текст от излишних повторений, придавал ему большую стройность и ясность, ставя на первый план затерявшуюся в длинных оборотах и отступлениях устной речи главную мысль автора.

Опубликованные стенограммы безусловно представляют большую историческую ценность, хотя они и дают одностороннее изображение событий.

Борьба буржуазных либеральных общественных сил с царизмом — лейтмотив многих стенограмм. Отношение рабочих и крестьянских масс к царизму, к проводившейся войне, мало интересовало Комиссию. В стенограммах нет никаких данных о работе большевистских организаций в качестве идейных и организационных руководителей народа в период подготовки Февральской революции. Героями дня становятся либеральные элементы и буржуазные организации, вроде Центрального военно-промышленного комитета, Земского и Городского союзов и Государственной думы. Если некритически отнестись к опубликованным материалам, особенно к показаниям лидеров буржуазно-помещичьей оппозиции и представителей полицейских органов, то у читателя может создаться впечатление, что центром подготовки революции являлась Государственная дума, а выступавшие в ней представители «прогрессивного блока» действовали в несвойственной им в действительности роли революционеров. И тем не менее стенограммы, представляющие изложение событий, сделанное по свежим впечатлениям, имеют большую ценность по сравнению с позднейшими воспоминаниями многих лиц (Гучкова, Милюкова, Родзянко, и др.) о тех же событиях, написанными после Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, в которых появляются новые нотки и сознательное извращение событий.

Собственно, все, что до сих пор читатель и специалист-историк знали о работе Чрезвычайной следственной комиссии, ограничивалось изданными семью томами материалов.

В последнее время, изучая фонд Комиссии, мы убедились, что, помимо опубликованного, сохранились журналы и протоколы Ко-

---

(С. П. Белецкий и Григорий Распутин. Из записок. Пгр., 1923) и М. В. Родзянко (Из воспоминаний М. В. Родзянко. Былое, 1923, кн. 21). Достаточно сравнить эти «воспоминания» с подлинными мемуарами Родзянко (М. В. Родзянко. Крушение империи. Л., 1927).

¹⁵ Вопрос о А. А. Блоке как редакторе этих материалов заслуживает специального внимания литературоведов.

миссии. Они дают возможность судить о круге вопросов, рассматривавшихся Комиссией, и о направлении принимаемых ею решений. Кроме того, сохранились юридические заключения Комиссии.

В фонде Комиссии сохранились все стенограммы допросов в невыправленном виде и с правкой литературной редакции.

Литературной редакции принадлежат краткие оглавления, раскрывающие содержание допросов. В печатном издании они поставлены в начале допроса того или иного лица и представляют собой как бы краткое оглавление содержания стенограммы. В рукописи стенограмм заголовки даны по ходу показаний, написаны чернилами сбоку, на полях. Эти заголовки — «фонарики» — обычно очень четко формулируют содержание следующей затем части показания.

В фонде Комиссии (всего в нем свыше 700 дел) сохранились также материалы о работе 27 следователей, ведших следствие о преступлениях представителей царского режима. Работа следователей проводилась параллельно с допросами тех же лиц на заседаниях Комиссии. Стенограммы этих заседаний резко отличаются от следственного материала. Члены Комиссии в большинстве случаев не добивались признания допрашиваемого в совершенных лично им преступлениях, их интересовали более общие вопросы о политике данного лица и учреждения, возглавляемого им. Это не значит, конечно, что председательствовавшие на заседаниях никогда не оказывали нажима на того или иного из бывших министров, чтобы заставить его признать, что он поступил неправильно, противозаконно или попросту крал деньги. Так было во время допроса А. Д. Хвостова в связи с получением им полутора миллионов рублей «на известные царю нужды», большую часть которых Хвостов украл. На эти деньги родственник Хвостова купил ему имение размером около 5 000 десятин. Естественно, что следователям пришлось распутывать этот вопрос, вести допрос большого круга лиц, в том числе и представителей банковского мира. Неудивительно, что материал следствия по некоторым вопросам представлен многими томами, в то время как в стенограммах этим же вопросам отводится иногда несколько строк.

Среди следственных дел есть несколько, посвященных Распутину. Комиссия занималась сбором записок, которые он выдавал своим посетителям на имя министров и других высокопоставленных лиц. Один из членов Комиссии, бывший харьковский прокурор Стимсон, написал очерк жизни и походов Распутина, в котором на основе многочисленных свидетельств доказано, что широко распространенные сведения о большом влиянии Распутина на государственные дела, особенно на назначения министров, полностью соответствовали действительности.

Около десятка дел составил следственный материал о бывшем председателе Совета министров Б. В. Штюрмере. Следствие

не было доведено до конца, так как Штюрмер умер в августе 1917 г.

Следствием собран неопровержимый материал, показывающий Штюрмера как ставленника митрополита Питирима, Распутина, Вырубовой, а окружение Штюрмера — как состоявшее из проходивцев, охранников и преступников.

Назовем еще некоторые дела из архива Комиссии. Сохранился интересный материал о Ленском расстреле, образовавшийся в связи со следствием против Макарова. Хотя о Ленских событиях напечатан известный отчет сенатора Манухина, который вел следствие на месте, собранные Комиссией сведения, в том числе интереснейшие показания самого Манухина, убеждают в том, что расстрел был произведен с ведома и согласия министра Макарова и при ближайшем участии Департамента полиции.

Представляет большой интерес и материал, собранный Комиссией в связи с убийством Столыпина, в частности объяснительная записка товарища министра внутренних дел генерала Курлова на имя министра А. Н. Макарова.

Совершенно неожиданно наличие в архиве Комиссии материалов расследования сенатора Нейгардта о мостостроительном синдикате.

Морской министр адмирал Григорович свел на нет все результаты senatorской ревизии по 32 переданным морскому министру делам о злоупотреблениях и вымогательствах в аппарате Морского министерства. Григорович не дал хода этим делам, так как, пожалуй, самым крупным преступником был товарищ министра Бубнов.

В фонде имеется ряд интересных подлинных документов по морскому ведомству, в том числе доклад Григоровича царю от 12 апреля 1912 г. о состоянии работ по пятилетней программе судостроения.

Из других военных вопросов Комиссия занималась делами генерала Ренненкампа, бывших военных министров Беляева и Сухомлинова. Пожалуй, наиболее интересны дела о Ренненкампе (дд. 485—487 и 713), особенно д. 713. Оно содержит переписку Ставки и позволяет проследить всю историю с отчислением генерала Ренненкампа от должности генералом Рузским. Кроме известного заключения генерал-адъютанта Баранова¹⁶ по делу Ренненкампа, несомненный интерес представляет резко отрица-

---

¹⁶ ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 713. Всеподданнейший доклад генерал-адъютанта Баранова по высочайше возложенной командировке в действующую армию для расследования действий бывшего командира 1-й армии генерал-адъютанта Ренненкампа. Доклад представляет собой печатный документ с оценкой оперативной и хозяйственной деятельности Ренненкампа как до войны, так и во время военных действий в Восточной Пруссии, с большими приложениями (74 стр.) ко второй части. Комиссия допросила 55 лиц, в том числе многих руководящих генералов русской армии.

тельное заключение о Ренненкампфе военного министра Поливанова. Несмотря на это, Ренненкампф делал судорожные усилия остаться в армии. Ему помогали приближенные Николая II — князь Орлов и барон Фредерикс. Но в обстановке роста революционного подъема в стране — летом и осенью 1915 г. — Николай II не рискнул пойти на удовлетворение их домогательств. Однако вместо того чтобы попасть на скамью подсудимых, Ренненкампф вышел в отставку «с мундиром и пенсией». Чрезвычайная комиссия также не осудила Ренненкампфа, и незадолго до Октябрьской революции он был освобожден под небольшой залог.

Дело Сухомлинова представляет значительный интерес для историка, и его следует рассмотреть специально. Оно было вполне подготовлено к судебному разбирательству еще в 1916 г., и только упорство Николая II помешало организовать процесс. Процесс был организован при Временном правительстве, которое специальным решением утвердило обвинительное заключение. Новых материалов по этому вопросу Чрезвычайная комиссия собрала немного.

Перейдем к материалам, непосредственно относящимся к событиям Февральской революции 1917 г. Необходимо обратить внимание на небольшую группу документов, которые оказались в фонде Чрезвычайной комиссии в результате ареста, по инициативе народных масс, таких придворных слуг, как Воейков, Фредерикс. После отречения от престола и возвращения царя из Пскова в Ставку они стали разъезжаться: одни — по предложению царя (Фредерикс), другие — по предложению М. В. Алексеева (Воейков), но вскоре были арестованы. Находившиеся при арестованных портфели с бумагами были изъяты. Арестованные были немедленно подвергнуты допросам различными комиссиями, материалы которых сохранились и представляют несомненный научный интерес.

Показания Воейкова¹⁷ посвящены последним дням пребывания царя в Царском селе, в Ставке и отречению царя от власти. Эти показания перекликаются и отчасти совпадают со стенограммой допроса его Чрезвычайной комиссией. Заслуживает внимания рассказ Воейкова о попытке наладить во Пскове сношения с Родзянко, парализованной генералом Рузским, через которого осуществлялась связь со Ставкой и Петербургом.

Несколько интересных бумаг отобрано было у Фредерикса. Среди этих бумаг выделим придворные записи — нечто вроде журнала о распорядке дня Николая II и приеме им разных лиц в по-

---

¹⁷ ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 41. Показания Воейкова давались комиссии в составе 6 лиц, председателем комиссии был генерал, князь Друцкий, а секретарем комиссии — товарищ прокурора Петроградского окружного суда М. Фитцгум.

следние 5 дней, с 28 февраля по 4 марта включительно. Так, например, 1 марта, 3 часа ночи, у царя — Воейков; в 11 ч. 15 м. утра — он же; в 7 ч. 5 м. вечера царский поезд прибыл на станцию Псков; в 7 ч. 10 м. был принят генерал Рузский, потом обед, после обеда Николай II принимал Рузского дважды: в 9 ч. 45 м. вечера и в 12 ч. 5 м. ночи.

2 марта Рузский был принят царем в 10 ч. 45 м. утра совместно с Воейковым и в 2 ч. 30 м. дня — совместно с генералами Даниловым и Савичем.¹⁸ Эти записи позволяют сравнить разные данные о поведении Николая II перед отречением его от престола.

Несомненный исторический интерес представляет собственноручная запись генерала Рузского о событиях 2 марта, торопливо набросанная чернилами на большом листе бумаги. Приведем эту запись целиком.

«Псков. 2 марта 1917 года. Сегодня после завтрака (2 ч. 30 м., — А. С.) его величество изволили вызвать меня, генерал-адъютанта Рузского, начальника штаба Северного фронта генерала Данилова, генерала Савича. Его величество изволил объявить, как ему не тяжело, но в данный момент для спасения родины — России, он решил отречься от престола в пользу своего сына. Регентом же назначает своего брата Михаила Александровича. На мой вопрос, кто же будет назначен верховным главнокомандующим, и не следует ли назначить великого князя Николая Николаевича, государь император согласился с этим. По окончании совещания государь император отправил телеграмму председателю Государственной думы Родзянко для всенародного объявления об отречении от престола в пользу своего сына и назначении великих князей Михаила Александровича и Николая Николаевича. Телеграмма была передана генерал-адъютантом Рузским для отправки».¹⁹

Этот документ дает возможность исправить мнение, что решение об отречении Николай II объявил только вечером 2 марта, когда он принимал члена Государственного совета Гучкова, члена Государственной думы Шульгина, генерала Рузского и генерал-майора Нарышкина.

К этому времени во Пскове был уже напечатан манифест об отречении царя. Экземпляр этого манифеста имеется в том же деле, с указанием: «2-го марта 1917 г. 15 часов. Псков».²⁰ До приезда представителей Думы было несколько часов, во время которых под воздействием свиты, видимо, у Николая II возникли некоторые

¹⁸ Эти записи дают возможность проверить данные рассказа Данилова о пребывании Николая II в штабе Северного фронта.

¹⁹ ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 728.

²⁰ Там же, л. 16.

колебания. Интересна позиция Рузского, стремившегося сохранить во главе армии одного из Романовых.

Есть еще два вопроса, непосредственно связанных с изучением Февральской революции 1917 г. Первый из них — восстание в Петрограде и использование пулеметов представителями старой власти в борьбе с восставшим народом; второй — отношение Ставки к событиям в Петрограде и попытка Ставки задушить революционный переворот путем посылки с фронта верных войск под руководством генерала Иванова.

По первому из этих вопросов Комиссия в результате переписки с воинскими частями и учреждениями, где имелись пулеметы, пришла к заключению, что нет данных о получении пулеметов полицией и жандармерией.²¹ Выводы Комиссии по этому вопросу были примерно те же, что выводы других комиссий, занимавшихся им сразу после Февральской революции (комиссия Владимирова, и др.).

Второй вопрос касается посылки карательной экспедиции генерала Иванова во главе батальона георгиевских кавалеров.

Многие документы, показывающие роль Ставки в организации этой миссии, уже опубликованы.²² Стенограмма допроса Иванова Следственной комиссией также опубликована в «Падении царского режима».²³ Но в этих материалах содержится версия генерала Иванова о том, что его миссия не имела никаких карательных целей.

Между тем в собранных Комиссией материалах эта версия убедительно разоблачается. Мы опубликовали только часть этого материала,²⁴ но никак не исчерпали ее. В д. 467 имеется много интересных документов, уточняющих многие вопросы, связанные с характером миссии, и особенно с причинами ее провала. В деле имеются интересные материалы ротных совещаний, проведенных после возвращения батальона в Ставку, показания А. А. Ладыженского и офицеров Генерального штаба.

В деле содержатся показания комиссара путей сообщения Бубликова, отдавшего распоряжение, чтобы железнодорожники не пропускали поезд Иванова далее Царского села. В результате поезд Иванова задержался на станции Вырица, Иванов вернулся в Ставку, а затем перебрался в Киев, где его арестовали и доставили в Петроград.

В июне 1917 г. Комиссией был представлен итоговый доклад по делу генерала Иванова. В его действиях Комиссия не нашла ничего предосудительного, и дело было прекращено. Чрезвычайная комиссия торопилась с выдачей индульгенций от грехов слугам царского режима. Буржуазия стремилась к консолидации всех

²¹ Там же, дд. 465, 471.

²² Красный архив, т. II (21), 1927.

²³ Падение царского режима, т. I, стр. 313—335.

²⁴ Вопросы архивоведения, 1962, № 2.

контрреволюционных сил для борьбы с надвигавшейся пролетарской революцией.

Мы остановились лишь на некоторых источниковедческих вопросах, связанных с политической эволюцией царизма и победой буржуазно-демократической революции в 1917 г. Документы Чрезвычайной следственной комиссии немало способствуют разоблачению мифа о «революционной» роли буржуазии в дни свержения царизма. Да и сама деятельность Комиссии служит ярким примером того, что буржуазные лидеры и после свержения царизма не изменили своей приверженности ему. Наша цель заключалась в том, чтобы обратить внимание на специфический характер материалов, вышедших из Чрезвычайной следственной комиссии, как опубликованных, так и оставшихся в течение 45 лет еще не использованными наукой. Необходимо критически освоить и включить в исторический оборот эти источники, содержащие важные и интересные сведения, нужные для создания марксистской истории Февральской революции.
